

Виктория
Токарева
Сволочей
тоже жалко

Санкт-Петербург
2014

сволочей тоже жалко

Эта история произошла тридцать лет назад.

Мой муж обожал играть в преферанс и ходил с этой целью в генеральский дом. Недалеко от нас было выстроено «Царское село» — дома для высшего сословия. Генерала звали Касьян, а генеральшу Фаина. Фаина — действующий врач, работала в Кремлевской больнице.

Я иногда сопровождала мужа, сидела за его спиной.

Фаина восседала за столом — огромная, как сидячий бык. При этом у нее были локоны и бархатный голос.

Касьян — на десять лет моложе, красавец. Фаина отбила его у законной жены. Чем взяла? Возможно, романтическими локонами и воркующим голосом.

У меня к этому времени вышли фильм и книга. Я ходила в молодых и талантливых.

Жизнь улыбалась. Но вдруг ни с того ни с сего моя дочь перестала видеть правым глазом. Ее положили в больницу с диагнозом неврит, воспаление зрительного нерва.

Моей девочке было десять лет, мы никогда до этого не расставались, и эта первая разлука явилась трагедией. Она плакала в больничной палате, а я у себя дома, на улице и в гостях.

Фаина увидела мой минор и вызвалась помочь.

На другой день мы вместе отправились в Морозовскую больницу. Глазное отделение находилось на пятом этаже, без лифта. Фаина шла, вздымая свои сто килограммов, и недовольно бурчала. Смысл ее бурчания был таков: зачем она пошла, зачем ей это надо, вечно она во что-то влезает себе во вред.

Я плелась следом и чувствовала себя виноватой.

Наконец мы поднялись на нужный этаж. — Стойте и ждите, — приказала Фаина.

Она достала из объемной сумки белый халат, надела его и скрылась за дверью глазного отделения.

Я стояла и ждала. Время остановилось. Было не совсем понятно, зачем я ее привела. В отделении хорошие врачи. Они любили мою девочку, готовы были сделать все необходимое. Зачем эта начальница? На-

сволочей тоже жалко

пугать? Но в семидесятые годы медицина была добросовестной, в отличие от сегодняшней. Напугать — значит выразить недоверие. Некрасиво. Однако цена вопроса была слишком высока: глаз. Я ждала.

Появилась Фаина. Подошла близко. Устремила на меня пронзительный взор. Буквально впиалась взглядом.

— Соберитесь, — сказала она. — Выслушайте разумно. У вашей дочери опухоль мозга. Эта опухоль передавливает нерв, поэтому он не проводит зрение.

— И что теперь? — тупо спросила я.

— Операция. Надо делать трепанацию черепа и удалять опухоль.

Я понимала: она говорит что-то страшное, но до меня не доходил смысл сказанного. Я не могла совместить эти слова с моей девочкой.

— И что потом? — спросила я.

— Молите бога, чтобы она умерла. Если выживет, останется идиоткой.

Фаина замолчала. Стояла и изучала мое лицо. Мое лицо ничего не выражало. Меня как будто выключили из розетки.

— Я вам что-то должна? — спросила я.

— Ничего, — великодушно ответила Фаина. — Но поскольку я потратила на вас время, сопроводите меня в ателье. На такси. Я должна забрать норковый берет и норковый шарф.

— Хорошо, — отозвалась я.

Мы спустились вниз. Я остановила такси, и Фаина загрузила в него весь свой живой вес.

У меня вдруг упали из рук часы и щелкнули об асфальт. Почему они оказались у меня в руке? Видимо, я их сняла. Наверное, я не отдавала отчета в своих действиях.

Я сидела возле шофера и не понимала: зачем Фаина заставила меня ехать с ней в ателье? Сообщить матери о том, что ее ребенок безнадежен, — значит воткнуть нож в ее сердце. А потом потребовать, чтобы я с ножом в сердце повезла ее в ателье... Стоимость такси — рубль. Неужели у генеральши нет рубля, чтобы доехать самой?

Мы остановились возле ателье. Фаина выбралась из машины постепенно: сначала две сиськи, потом зад, обширный, как у ямщика, а на локоны она наденет норковый берет.

Я осталась в машине, сказала шоферу:

— Обратю в больницу.

Я вернулась в глазное отделение, звала врача.

— У моей дочки опухоль мозга? — прямо спросила я.

— С чего вы взяли? — удивился врач. — У нее обычный неврит.

— А как вы отличаете неврит от опухоли?

сволочей тоже жалко

— По цвету. Когда неврит, нерв красный, а когда опухоль, нерв синий.

— А у моей дочки какой цвет?

— Красный. Мы будем колоть ей нужный препарат, воспаление уйдет, зрение восстановится.

— А можно сделать рентген?

— Можно. Только зачем?

— Удостовериться, что опухоли нет.

— Если хотите...

Я не ушла до тех пор, пока врач не вынес мне рентгеновский снимок и я не убедилась воочию, что снимок чист, прекрасен и даже красив, благословенны дела твои, Господи...

Я вернулась домой без ножа в груди. Рассказала мужу. Он слушал, не прекращая смотреть по телевизору новости. Я спросила:

— Зачем она это сделала?

— Сволочь, — коротко ответил муж.

Я набрала телефон Фаины и сказала ей:

— Вы ошиблись. У моей дочери нет никакой опухоли. Обыкновенный неврит.

— Ну и пожалуйста, — ответила Фаина, как будто обиделась.

Я потом долго пыталась понять: что это было? Может быть, зависть? Но она живет лучше меня. У нее муж генерал с генеральской зарплатой и норковый берет с норковым шарфом. А у меня обычная вязаная

шапка. Но скорее всего — просто сволочь, как сказал муж. Есть же такое слово — «сволочь», значит, должны быть и люди, этому слову соответствующие.

Прошло десять лет. Моя дочь выросла, набралась красоты, одинаково видела обоими глазами. Запуталась в женихах.

В один прекрасный день мы с мужем поехали на базар. В овощном ряду я углядела Фаину. С тех давних пор я с ней не общалась, хотя слышала, что недавно ее муж умер в гараже возле машины, а сын выпал из окна. Наркотики.

Фаина увидела меня и кинулась мне на грудь как близкая родственница.

Я стояла, скованная ее объятьями, и мне ничего не оставалось, как положить руки на ее спину. Спина тряслась в рыданиях. Под моими ладонями выступали ее лопатки, как крылья. Фаина не просто похудела, а высохла. Куда делись ее килограммы? Локоны превратились в старушечий пучок на затылке. Что делает с человеком горе...

Мой муж показывал мне глазами: надо идти, чего ты застряла? Но я не могла оттолкнуть Фаину вместе с ее рыданиями. Я стояла и терпела. И не просто терпела — сочувствовала. Гладила ее по спине, по плечам и крыльям.

Сволочи — тоже люди. Их тоже жалко.

странности любви

В молодости мы дружили: я и Лялька.

У Ляльки был парень Руслан. Они встречались уже семь лет, но Руслан не делал предложения. Его что-то останавливало. Я догадывалась, что именно.

Руслан — из профессорской семьи, интеллектуал, очкарик, писал стихи, заведовал отделом в молодежном журнале.

Лялька — все наоборот. Ее родители переехали в Москву из глухой деревни. Папаша пил, мать работала швеей-мотористкой. Лялька едва окончила десять классов, книг не читала, учиться не хотела. Смотрела по телевизору мультики.

Что в ней привлекало? Молодость (двадцать пять лет) и совершенство форм. У нее была идеальная фигура. Ничего лишнего. Лялька замечательно двигалась. Смешливая, все ей было смешно. А когда танцевала — было на что посмотреть.

Если кто-то танцевал рядом с Лялькой, в ресторане, например, то выглядел как кувалда.

Я любила Ляльку за то, что с ней было легко и весело. Мы постоянно хохотали, без причины. Но не потому, что дуры, а так совпадали. Я видела Ляльку и сразу начала радоваться жизни.

Лялька в этот период была занята тем, что «дожимала» Руслана. Она его любила, а он — тянул резину. Лялькина мать возмущалась: «Плюнь! Я бы на его ссала в тридцать три вилюльки».

Что такое вилюлька, я не знаю, но тоже говорила Ляльке:

— Женятся или сразу, или никогда.

Все кончилось тем, что Лялька нашла себе другого. Этот другой сделал предложение через два дня после знакомства. Он имел какое-то отношение к балету — то ли танцевал, то ли преподавал. Было понятно, почему он повелся на Лялькину хрупкость и грацию. Он привык видеть красивое женское тело.

Кстати, личико у Ляльки было тоже очень милое: голубоглазая, курносая. Когда смеялась, набегали веселые морщинки-лучики.

Меня позвали на свадьбу. Я помню блюдо жареной форели. Отец жениха заведовал где-то форелевым хозяйством.

странности любви

На свадьбе Лялька напилась и разрыдалась. Я видела, что она рыдает по Руслану. Любовь к нему горела в ней адским пламенем, и эта свадьба — не что иное, как месть.

Я испугалась: жених и гости догадаются, что свадьба — фальшивка. Но, слава богу, все обошлось. Решили, что невеста плачет от счастья, от переполнения чувств.

Лялька уплыла в другие воды. И Руслан вдруг понял: он потерял главное. Лялька — это лучшее, что было в его жизни. То, что его останавливало, а именно — ее примитивность, оказалось самым уместным. Как примитивизм в картинах Пиросмани.

Дни Руслана были переполнены рифмами, умными разговорами, и, вернувшись после работы домой, хотелось разрядки. Хотелось не думать и не рассуждать. И вот тут — Лялька, как таблетка от усталости.

А в постели его рука соскальзывала на тончайшую талию, не говоря об остальном. После Лялькиного тела все другие тела — табуретки, заплывшие салом.

Руслан погрузился в депрессию. Его ничего не радовало, глаза смотрели как со дна водоема. Не выражали ничего. Стали посещать мысли о самоубийстве.

Прежде чем убить себя, он решил и позвонил Ляльке. Она согласилась встретиться. Пришла к нему в редакцию.

Он увидел ее и зарыдал. И Лялька зарыдала. Они обнялись и замерли, не могли вымолвить ни одного слова.

В кабинет заглядывали сотрудники, но тут же уходили и деликатно закрывали за собой дверь.

Лялька развелась и ушла к Руслану. Руслан женился. Ура!

Квартира у них была крошечная, но двухкомнатная и своя.

Спальня, она же кабинет, и главная комната с телевизором, обеденным столом для гостей.

Детей не завели. Лялька в юности занималась греблей и застудила себе все, что могла. Руслан — книжный человек, ему детей не хотелось. Он сам был ребенком у Ляльки. Она его кормила, обихаживала. О детях не задумывалась. Да и какой смысл? Думай не думай, все равно не будет. Бог не дал. А Богу виднее.

Молодость прогрохотала как повозка по булыжной мостовой. Наступил средний возраст, а за ним — пожилой.

Лялька изменилась мало, только морщинки обсыпали лицо.

Руслан тоже почти не изменился. Поседел, а так все то же самое. А может быть, мне так казалось. Когда видишь человека часто — перемены незаметны.

странности любви

И вдруг я узнаю, что у Ляльки — инсульт. Она парализована и в больнице. Караул...

Я позвонила Руслану. Он был собран, разговаривал конструктивно.

— Выписывают во вторник, — сказал он. —

Я не знаю, что делать.

— В каком смысле? — не поняла я.

— Куда ее теперь?

— К вам домой.

— А куда я ее положу? В кабинет? Тогда я не смогу работать.

— Это почему же?

— Тело. Писи-каки. Я поэт, а не санитарка.

— Положи в большую комнату.

— Тогда никто не сможет прийти.

Я молчала. Потом сказала:

— Поэтом можешь ты не быть, а человеком быть обязан.

— У меня нет сил. И нет здоровья. Я старый.

— Найми сиделку.

— Знаешь, сколько стоит сиделка? Пятьдесят тысяч рублей. А у меня пенсия пятнадцать.

— А твои книги?

— Стихи никому не нужны. Пушкина не покупают.

Я молчала.

— Слушай, а у государства есть казенные дома? — спросил Руслан.

— Есть, — сказала я. — Для хроников... Типа «палаты № 6». Она там быстро померет.

— А ты не думаешь, что это касается нас всех в ближайшем будущем?

— Не думаю, — ответила я и положила трубку.

Мне стало грустно. Все-таки Руслан — скотина. Все-таки позади общая жизнь. Как можно так поступать с близким человеком?

Парализованное тело — не праздник. Но оно когда-то так радовало... Он так его любил... Существует долг в конце концов. И человек должен его исполнить.

Когда корабль тонет, капитан тонет вместе с кораблем.

Во вторник — выписка. Руслан пришел к десяти часам утра.

Вышел врач и сказал, что больная умерла.

Стояло аномально жаркое лето. Лялька лежала в палате у окна, и солнечные лучи ее буквально расстреливали в лицо. Случился еще один приступ. Скорее всего, дело не в солнце, а в сосудах головного мозга, но сейчас это уже не имело значения. Ляльки нет. Нет ее парализованного тела. Уйдя из жизни, Лялька сделала Руслану подарок. Спасибо, Лялька.

Друзья помогли похоронить. Поминки поглотили все сбережения Руслана, но прошли достойно. Соседи приготовили несколько горячих блюд и холодные закуски.

странности любви

Были даже деликатесы: красная икра, красная рыба. Спиртное — без ограничения. Много осталось.

Руслан доел и допивал поминальный стол целую неделю. Ему было не в чем себя упрекнуть.

В моем доме раздался телефонный звонок. Звонили из полиции.

В каком-то сквере нашли человека. У него — полная амнезия: он не помнил, кто он и откуда.

В кармане обнаружили записную книжку, а там мой телефон. Не могу ли я приехать на опознание?

Я опознала: это был Руслан. Я объяснила, кто он и где он живет.

Совместными усилиями мы разыскали племянника. Племянник временно поселился у Руслана, чтобы поставить его на рельсы.

Руслан на рельсы встал. Он все вспомнил, но жить не хотел. Сидел в кресле как свежемороженный окунь с головой. Такие же слюдяные глаза.

Руслан не мог жить без Ляльки. Он ждал, когда закончится жизнь и паромщик в черном плаще перевезет его на пароме через реку Лету.

А на том берегу его будет ждать Лялька. Они обнимутся и зарыдают. И не расстанутся больше никогда. НИКОГДА.

люська из баковки

Баковка — это деревня, которая примыкала к нашему дачному поселку. Настоящая деревня с бревенчатыми домами, почерневшими от времени, запущенной речкой, резными ставнями, палисадниками, огородами, гусями, пьющими мужиками и крикливыми бабами.

После перестройки эти крикливые бабы стали называться «фермеры». Они носили по нашему поселку свою продукцию: молоко, творог, яйца, овощи.

Я быстро определила, у кого можно брать, а у кого нельзя. Срабатывал «человеческий фактор». Жилистая Ольга скупала творог во всей округе, он у нее скисал, протухал, потом она сверху опрокидывала граммов двести свежего творога и разносила по домам. Люди пробовали сверху — не полезешь же пальцем вглубь — и поку-

люська из баковки

пали с энтузиазмом весь объем. Заносили в кухню, вываливали в миску. То, что было внизу, становилось верхом, вонючим и опасным для жизни.

Что можно сказать? Недальновидная Ольга не знала законов рынка. Второй раз у нее никто не покупал. И даже если она приносила хорошую сметану, свежие яйца, ее гнали прямо с порога, высказывали свое отношение открытым текстом. Ольга не учитывала такой важнейший фактор, как конкуренция. Ею правил закон суслика: схватить — и в норку. Однако в дачном поселке — хоть и интеллигенты, но не дураки. Один раз их можно провести, но не больше.

Появлялась толстая Ирка, громыхая железной повозкой. В эту повозку она складывала все сезонные овощи. Продукты были неплохие, но цена на ноль больше. Если килограмм картошки стоил на базаре десять рублей, то у Ирки — сто.

— А ты бери по тысяче, — предлагала я.

Ирка подозрительно всматривалась в мое лицо.

— А что, — простодушно продолжала я, — если у человека есть деньги, какая ему разница, сколько заплатить: сто или тысячу? Не обеднеет.

Ирка догадывалась, что я ее поддеваю, и говорила:

— Ну ладно. Давай по пятьдесят за килограмм.

— На базаре десять, — напоминала я.

— На базар ехать надо. А я тебе прямо к дому, с доставкой.

Я соглашалась. Доставка стоит денег.

В нашем поселке жил очень красивый парень — высокий, стройный, с золотыми волосами. Как трубадур из мультфильма.

Девки и молодые бабы из Баковки приходили на него посмотреть. Приносили клубнику и черную смородину. И, пока он рассчитывался, не отводили глаз. А потом уходили, грезили наяву. За спиной красавца маячила его жена, но ее в расчет не брали.

Девкам из Баковки не на что было рассчитывать, и все равно... Мечтать ведь никто не запрещает.

По стране гуляли лихие девяностые. Их грозный отзвук докатывался и до нашего поселка.

Трубадур продал свой дом вместе с тещей. Дом принадлежал теще, но предложили хорошую цену, Трубадур не устоял. Теще сняли комнату в Баковке, а в дом, в родовое гнездо, въехали чужие люди.

Рухнул социализм, вместе с ним человеческая мораль. Моралью стали деньги. Видимо, сумму, которую предложили Тру-

люська из баковки

бадуру, он не мог упустить. И ждать тоже не мог. Покупатель бы уплыл.

А я? Что я могла сделать? Подойти к Трубадуру и спросить: «Как тебе не стыдно?» Он бы ответил: «А ваше какое дело?»

И в самом деле.

Тещу могла защитить только ее дочь. Но дочь взяла сторону мужа. Она рассуждала так же, как и он: «Не убивают же ее. Переселяют в деревню, в деревянный дом, экологически чистый, рядом с поселком, десять минут ходьбы».

Во второй половине дома жила некая Люська. Люська держала кур и корову. Вот тебе качественное питание, вот тебе здоровье и долголетие.

Люська приходила ко мне раз в неделю, по средам. Приносила свою продукцию. Ее продукция была самая свежая, а цена соответствовала качеству.

Люська не воровала и не хитровала, ничего не выгадывала. Немножко громко разговаривала, но ведь это можно и потерпеть. — А я правду всегда говорю!.. — орала Люська.

И она выкладывала очередную правду, которая никому не была нужна. И самой Люське в том числе.

Говорили, что Люська в молодости была привлекательная. Сейчас это невозможно

себе представить: фиолетовые щеки, во рту один зуб.

У Люськи был папаша — алкоголик, он рано умер, оставив Люське в наследство свое тяжелое заболевание.

К двадцати шести годам Люська уже спилась. Ее в деревне никто не видел трезвой.

Где-то на базаре она познакомилась с Володькой, тоже алкоголиком. Сколько ему было лет — непонятно, не то тридцать, не то пятьдесят.

Люська и Володька каждый вечер собирались и пили вместе. Это ведь веселее, чем в одиночку. Володька был добрый, музыкальный, хорошо пел под гармонь. Действительно хорошо. При этом у него были длинные ресницы, красивые сильные пальцы.

«Олень беспутный, горький мой, мне слезы жгут глаза, как ветер. Не смейтесь, люди, надо мной, что я иду за парнем этим».

Эти стихи Люська сочинила сама, вот до чего дошло. Ее душа была, как парус, наполненный попутным морским ветром, и под этим парусом, на этой лодке любви Люська оказалась беременной. Молодой организм ловил сперматозоиды на лету.

Люська в первый раз сделала аборт, но через два месяца залетела опять. Тогда она поняла: это природа настаивает. Бог

люська из баковки

говорит: «Люська, не отказывайся, бери, пока дают».

Люська решила рожать. А это не простое решение. Это значило: надо завязать. Не пить, а то ребенок дураком родится.

Володька неожиданно поддержал Люську и тоже решил не пить, записать ребенка на свою фамилию. Да что там... Жениться на Люське и создать нормальную семью, как у людей.

Первым делом они купили кровать. Раньше у них был только матрас на полу. Кровать — совсем другое дело.

К кровати приобрели простыни, одеяло, подушки. Перед сном мылись, одевали пижамы. То, что для людей было обычным и привычным, у Люськи с Володькой — целое событие, сказка Венского леса.

Алкоголизм не отступал. Сказать, что им хотелось выпить, — значило не сказать ничего. Им СТРАСТНО хотелось выпить. Организм стонал и корячился. Люська сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Оба погружались в тяжелейшую депрессию и тонули в ней. А спасение было так близко: стакан, и всё. И снова мир зажжется красками.

Все внутри горело и звало. Приходили даже мысли о самоубийстве. Легче не чувствовать ничего, чем такие испытания, та-

кое жжение, такую тоску... Но их было двое. И они поддерживали друг друга. А если точнее, их было трое. И этот третий, беспомощный, от них зависимый, именно этот третий в середине тела был главным, главнокомандующим. Он приказывал: нет. И было нет.

Через положенный срок родилась здоровая полноценная девочка, рост пятьдесят два сантиметра, вес три с половиной килограмма. Все как надо. Назвали Людмилой, как мать. Володька любил Люську и хотел как можно чаще произносить это имя. Пусть дом будет наполнен этим именем в разных вариациях: Люся, Людмила, Мила...

Володька устроился водопроводчиком в доме отдыха. Он это умел, был специально обучен в ПТУ. К тому же надо зарабатывать. Семья из трех человек.

Володьки целыми днями не было дома, Люська на ребенке днем и ночью, некогда головы причесать. Прошлая жизнь казалась раем: свобода, никакой ответственности и бутылка в центре стола, — холодная, запотевшая, переливающаяся голубым и перламутровым, только что из холодильника. Первый глоток орошал нутро, как дождь пересохшую землю. Грибной дождь, солнце и влага. Плюс Володька, его горячие ладошки и губы, прохладные от страсти.